

А. Ф. Литвина

НИУ ВШЭ, Москва, Россия. annalitivina@gmail.com

Ф. Б. Успенский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

fjodor.uspenskiy@gmail.com

ЯЗЫК ИМЕН И ДАТ. ПОСТРИЖЕНИЕ ЕВФРОСИНИИ СТАРИЦКОЙ

В работе обсуждается одна из переломных точек в истории московского правящего дома, да и всей близящейся к закату династии Рюриковичей, – речь идет о пострижении в монашество княгини Евфросинии Андреевны Старицкой, матери Владимира Старицкого, внука Ивана III. В широком контексте своеобразного языка имен и дат, достигшего наивысшего расцвета в эпоху Ивана Грозного, рассматривается символическая значимость выбора дня принесения ею иноческих обетов. Этот выбор играет особую роль не только в семейной истории князей Старицких, но и в том вербальном и невербальном диалоге, который они ведут на протяжении десятилетий с единовластным московским государем. Вопрос о том, почему летом 1563 г. следовало приурочить окончание светской жизни княгини к 5 августа, связан с существованием сложного политического замысла, который не потерял своей актуальности даже после гибели большей части семьи царского двоюродного брата в 1569 г.

Ключевые слова: Иван Грозный, князья Старицкие, династическая стратегия Рюриковичей, христианская двуименность, именины, крестильное имя, монашеское имя, памятники лицевого шитья XVI в.

В данной научной работе использованы результаты проекта «Лингвoseмиотические аспекты истории русской культуры: Средние века и раннее Новое время», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

I

Особый язык антропонимов и календарных дат начинает формироваться на Руси со времени обращения страны в христианство, по-настоящему раскрывает свои возможности к XIII столетию, а в XVI в. переживает пору необыкновенно пышного, почти чрезмерного, «барочного» цветения. При этом на всем протяжении своего существования он обладал весьма характерным свойством накопительности, проявляющимся на разных уровнях. Если говорить об антропонимическом досье конкретного человека, то здесь всякое однажды приобретенное имя имеет тенденцию сохраняться за своим обладателем до конца жизни, а коль скоро речь идет об именах христианских, то и после кончины – в иных случаях на надгробии или в поминальных записях мы можем обнаружить три, а то и четыре антропонима из месяцеслова, принадлежащие одному и тому же лицу¹.

¹ Так, в поминальной записи по скончавшемся постриженнике ярославского Спасского монастыря присутствуют три его личных имени – нехристианское, крестильное и монашеское: «Ноября въ 26 день, кормити братію по Дружнѣ Назаревѣ, а имя ему Ак и н д и н ъ , а во иноцѣхъ схимникѣ Аврамъ и : колачи, рыба, квасъ, на его преставленіе» (Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И. А. Вахрамеевым. М., 1896. Т. 3. Выписи из писцовых и переписных книг. Дополнение: Книга кормовая. С. 22). Четыре же христианских имени фигурируют, например, в различных поминальных записях по княгине Марии Федоровне Пожарской, матери знаменитого Дмитрия Михайловича Пожарского. Если во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря речь идет о «княгине Марье Федоровне, во иноцехъ Евдокее» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 101. Л. 359), то на надгробной плите она поименована как «княгиня Еуфросиния Федорова княз Михайлова жена Федоровича Пожарскава во иноцехъ схимница Евъникея» (Курганова Н. М. Надгробные плиты из усыпальницы князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1993. М., 1994. С. 399–400). Мария – это публичное имя Пожарской, Евфросиния – крестильное, Евдокия – имя, полученное в малой схиме, а Евникия – в великой [Беляев, 2009, с. 162; Беляев, 2013, прилож. 6, с. 242]. Здесь и далее разрядка всюду принадлежит авторам этой статьи.

На уровне же общей эволюции средневекового имянаречения мы наблюдаем явную склонность сохранять все некогда возникшие модели выбора имени, какая бы из них ни оказалась более популярной в определенный исторический период. Здесь возможно, с одной стороны, наполнение прежде существовавших схем новыми единицами, если не новым содержанием, а с другой – буквальное следование однажды изобретенным решениям.

Так, классическая двуименность, когда одно из своих имен, нехристианское, широко используемое на людях, ребенок получал в соответствии с предпочтениями рода, а другое, христианское, давалось ему в крещении (*Остромир/Иосиф, Ярослав/Георгий, Верхуслава/Анастасия*), никуда не исчезая сама по себе, со временем порождает двуименность иного типа, когда в миру человек оказывается обладателем сразу двух христианских антропонимов – публичного, ориентированного, как и прежде, на семейную преемственность, и еще одного, крестильного (*Дмитрий/Фома, Федор/Конон, Мария/Евфимия*). В качестве примера буквальной сохранности антропонимических моделей стоит вспомнить и о сосуществовании двух способов выбора монашеского имени, когда преобладание одного из них в конкретную эпоху вовсе не исключает возможности прибегнуть ко второму. Поясним, что мы имеем в виду.

Сама идея, что, принимая постриг, человек должен получить иное – отличное от крестильного – христианское имя, строго говоря, не является на Руси обязательной, однако усваивается она достаточно рано и распространена весьма широко еще в домонгольское время. По крайней мере, казус, когда этот принцип перемены имени не был соблюден, может отмечаться летописцем специально как нечто выбивающееся из обычного порядка вещей². Говорить же о том, каким образом эти монашеские имена в первые столетия после крещения выбиались, имеет смысл с оглядкой на выбор имен крестильных.

Как уже не раз приходилось отмечать авторам этих строк, в XI, да, пожалуй, и в первой половине XII столетия, нарекать младенца точно и строго по дню его появления на свет (то есть в честь святого, чья память празднуется ровно в этот день) на Руси не было ни стремления, ни возможности. Христианский антропонимикон, запечатленный в месяцесловах, являл собой пространство еще довольно разреженное – каким бы церковным календарем ни располагал нарекающий, далеко не под каждой датой в нем можно было найти какое-либо мужское имя, не говоря уже об именах женских. Соответственно, выбирая крестильное имя для ребенка, если и ориентировались на дату его рождения, то принципиально приблизительным образом, отыскивая нечто подходящее в довольно широких календарных окрестностях, «листая» месяцеслов на несколько дней, а то и недель вперед или назад. Заметим, однако, что вся эта приблизительность в личном благочестивом обиходе как будто бы заканчивалась с того момента, как имя было выбрано – Русь отличалась особым пристрастием к празднованию именин, церковному и вполне светскому, а оно-то было твердо закреплено за строго определенной датой, той, когда церковь поминает святого, в честь которого в свое время был наречен христианин, хотя чтить он мог не его одного, но всех своих небесных тезок³. В сущности, именины стали, по-видимому,

² Ср. сообщение Суздальской летописи о кончине княгини Марии Шварновны, жены Всеволода Большое Гнездо: «пострижеса великая кн[а]гини Всеволо[жая] во мнишеский чинъ в монастыри с[ва]тые Б[огоро]д[и]ци, юже бѣ самъ создал (примеч. 3: сама создала), и нарекоша ей има М[а]рия, в то ж[е] има крещена бы с[т]ь п р е ж [е] » (ПСРЛ. А., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 424).

³ Подобный синкретизм, когда обладатель имени *Андрей*, например, мог чтить в качестве своих личных небесных покровителей и апостола Андрея, и Андрея Критского, и Андрея Юродивого, и Андрея Стратилата, характерен скорее для домонгольского времени. Позднее же культ святых тезок будет устроен несколько сложнее, с большим акцентом на исключительное почитание конкретного святого, в честь которого человек был наречен (ср.: [Литвина, Успенский, 2006, с. 124–131, 215–237]). Тем не менее и в эту – более позднюю – эпоху апелляция к нескольким тезоименитым святым не только возможна, но и порой становится тонким инструментом благочестия или некоей почти светской стратегии (ср.: [Литвина, Успенский, 20196]). О таких случаях обыгрывания тезоименности нам еще предстоит говорить ниже.

первой опорной точкой, вокруг которой выстраивается традиция русского календарного благочестия.

Монашеское же имянаречение создавало совсем иные возможности. Если рождение ребенка выпадает на любой день года и его приуроченность не зависит от человеческой воли, то день принесения монашеских обетов можно было назначать – главная роль в этом принадлежала игумену, но порой учитывались и пожелания других лиц⁴. Соответственно, взаимная предопределенность имени и даты проявляется здесь очень рано: складывается обычай нарекать инока именем того святого, на день памяти которого его постригают. Не всегда возможно сказать, что в такой ситуации задавало окончательный выбор. По всей видимости, бывало по-разному: существовала возможность дождаться определенного дня ради задуманного имени, но исходной точкой расчета мог стать и выпавший по каким-либо внешним причинам день – тогда монашеское имя предопределял, по-видимому, именно он. Так или иначе, наречение иноческим именем оказывалось еще одной точкой строгой сопряженности антропонима с датой.

На протяжении XIII в. ситуация с выбором крестильного имени несколько меняется. Наряду со старой стратегией приблизительной ориентации на календарь появляется и новый подход, связанный с уже упоминавшейся двуименностью особого типа, собственно христианской. Некоторые люди отныне получают крестильное имя в честь одного из тех святых, чья память праздновалась непосредственно в день их появления на свет⁵, тогда как второе, публичное, нередко подбиралось им по месяцеслову в широких календарных окрестностях этой даты. С определенной долей условности можно сказать, что крестильные имена двуименным людям теперь подбираются так, как прежде подбирались скорее имена иноческие (по дню пострига, дню рождения к новой, монашеской, жизни). Что же, однако, происходит с имянаречением монашеским?

К концу XIV в. мы наблюдаем явления, которые позволяют говорить о некоем системном функционировании христианского имянаречения как такового – во всяком случае, изменения в одной области здесь подталкивают к изменениям в областях смежных. Принцип, когда монашеское имя дается по дню пострижения, оттесняется на периферию такой моделью, когда имя иноческое явным образом подбирается к имени крестильному – по созвучию или по совпадению начальных букв, без оглядки на календарь⁶. Две эти традиции отчетливо противопоставлены в рассказе из Жития Сергия Радонежского, где объясняется, как юный Варфоломей

⁴ См.: РИБ. СПб., 1880. Т. 6. № 32. С. 262; [Успенский, Успенский, с. 116–122].

⁵ Нужно отметить, что благочестивое стремление назвать ребенка точно по дате рождения вовсе не обязательно вело к его двуименности – кому-то «везло» родиться на память тех святых, чьи имена вполне отвечали предпочтениям нарекающих, например на празднование кому-либо из многочисленных свв. Иоаннов, Василиев, Феодоров и т. п. В такой ситуации крестильное имя использовалось одновременно и как публичное.

⁶ Подробнее о том, как протекал этот процесс, и о том, что смена предпочтений хотя бы отчасти могла быть вызвана вторым южнославянским влиянием, см.: [Успенский, Успенский, с. 112–115]. Речь идет о широко распространенных и многократно зафиксированных случаях совпадения начальных букв, звуков или слогов крестильного и монашеского имен, когда человек по имени *Федор* при постриге становится, скажем, *Феогностом* или *Филиппом*, а *Василий*, соответственно, *Варлаамом*, *Варсонофием* или *Вассианом*. При этом точкой отсчета для подбора иноческого имени по созвучию с мирским могла выступать отнюдь не каноническая форма антропонима, а один из его местных, собственно русских изводов – *Евдокия* часто становится в монашестве *Александрой*, потому что в обиходе она была *Авдотьей*, а *Иакинф*, к примеру, мог стать *Анфимом*, поскольку его крестильное имя произносилось как *Акинфей*. Весьма выразительны в этом отношении случаи, когда женщина с мирским именем *Ирина* (*Арина*) постригается как *Марина* (Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подгот. текста, вступ. ст., сост. коммент. и словаря терминов А. И. Алексеев; сост. именного указателя А. И. Алексеев, А. В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 38), *Димитрий* (*Митрий*) становится в иночестве *Митрофаном* или *Никодимом*, а сельский священник появляется в переписных книгах как «монах Ксис, что в мире был Ксенофонт» (*Шамина И. Н.* Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4 (47/48). С. 156) (в святцах имени *Ксис* не обнаруживается – это, разумеется, не что иное, как обиходная метатеза, произведенная над именем *Сикст*).

получил монашеское имя *Сергий*. Согласно Житию, игумен постригает Сергия 7 октября «на память святых мученикь Сергия и Вакха. И наречено бысть имя его въ мнишеском чину Сергий: тако бо тогда нарицаху сплоха (то есть неправильным образом. – А. Л., Ф. У.) имена, не съ имени (то есть не по мирскому имени. – А. Л., Ф. У.); но вън же (= в он же. – А. Л., Ф. У.) день, аще котораго святого память прилучашеся, в то имя прорицаху постригающемуся имя»⁷.

Можно сказать, что произошел некий позиционный сдвиг: наречение крестильным именем стало более календарным, а, соответственно, наречение именем монашеским как будто бы эту календарность утратило. На самом же деле, скорее имело место общее усложнение системы выбора христианского имени, сопровождавшееся все большей ее ориентацией на календарь. В сущности, одновременно работают принцип наречения крестильным именем строго по календарю и старый способ, когда при его выборе на даты ориентируются, но лишь весьма приблизительно. Монашеское же имя может теперь подбираться к крестильному и, таким образом, опосредованно, через него, быть связано с конкретной календарной датой – давней датой появления постригаемого на свет. С другой стороны, и здесь не забыт старый способ – иногда монашеское имя может, как и прежде, даваться непосредственно по дате пострижения. Несмотря на бесспорное доминирование тенденции нарекать инока по букве или по созвучию, многое зависело от обычаев конкретного монастыря⁸ и еще более – от воли постригающего. По календарю, например, нарекает своего племянника св. Адриан, игумен Монзенского Благовещенского монастыря: «... прииде ко Андреану сынъ брата его ѿ града, нарицаемаго Костромы, именем Романъ. И приать его Андреанъ и постриже его и облече в иноческий образъ и нарече имя ему Лешнѣтій, понеже постриже его на память святаго отца Лешнѣтїа епископа Ростовскаго чудотворца»⁹.

Изошренность системы имянаречения, однако, и этим далеко не исчерпывается. Существенно, например, что дата именин того или иного лица остается чрезвычайно важной на протяжении всей его светской жизни, она не утрачивается не только в монашестве, но даже после кончины – инок продолжает праздновать день своего патронального святого по крестильному имени, на именины же его станут поминать, когда он преставится. Помимо всего прочего, композиция из имен и дат, сложившаяся для одних членов рода, может отзываться своеобразным календарным и/или антропонимическим эхом в жизни других членов этой семьи.

Таким образом, рождение ребенка или монашеский постриг открывают широкий простор для индивидуального выбора или – формулируя несколько иначе – позволяют делать своеобразные высказывания на языке имен и дат, понятные для аудитории своей эпохи, но порой неочевидные для современного исследователя. Попробуем продемонстрировать, как может выглядеть подобного рода высказывание в период максимального расцвета этого языка – в эпоху Ивана Грозного.

II

В июне 1563 г. царь обратил свой гнев на семью ближайших родичей – княгиню Евфросинию, вдову своего дяди, удельного князя старицкого Андрея Ивановича, и собственного кузена, Владимира Андреевича. Причиной – или поводом – послужил, как известно, донос ста-

⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. С. 310; ср.: ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 11. С. 132.

⁸ Так, в Соловецком монастыре в XVII в. существовал обычай совершать пострижение только один раз в году – в первую неделю Филиппова (Рождественского) поста [Панченко, с. 499–500], такая практика, со всей очевидностью, не подразумевает выбора имени для монаха в соответствии с датой пострижения (в противном случае, все иноки в монастыре стали бы обладателями двух-трех одинаковых имен).

⁹ ОР ГИМ. Собрание А. С. Уварова. № 415-4°. Л. 131–131 об. Житие составлено в первой половине или середине XVII в.

рицкого дьяка Савлука Иванова о некоторых загадочных неправдах и неисправлениях, будто бы совершаемых старицким князем и его матерью. На этот раз последствия царского недовольства оказались относительно умеренными: он обличил родственников перед митрополитом и собором, но, как гласит летопись, «для отца своего Макария митрополита и архіепископовъ и епископовъ гнѣвъ свой имъ отдалъ»¹⁰. Владимир Андреевич был оставлен в своих владениях, правда, царь полностью заменяет ему двор, призвав к себе ближайших к кузене людей и отправив на их место своих ставленников, бояр, дьяков и стольников, вплоть до приказных людей.

Что же касается Евфросинии Старицкой, то она – как будто бы по собственной инициативе – просит царя о постриге, на что тот и дает ей свое соизволение. Обставлен он внешне как нечто вполне почетное: в Москве княгиню постригает ее духовный отец, кирилловский игумен Вассиан, житье ее предстоит, согласно ее пожеланию, в белозерском Воскресенском Горицком монастыре, который она сама построила. Туда ее провожает весьма представительная свита, да и в монастыре при ней по распоряжению царя должны были находиться люди, составлявшие нечто вроде ее двора.

Для нас существенно, однако, что постриглась княгиня вовсе не сразу после гневных инвектив царя. Летописи сообщают точную дату события – пострижение произошло лишь 5 августа 1563 г.¹¹ Чтобы оценить символическую значимость этой даты, нам следует отступить на много десятилетий назад, когда в 1490 г. на свет появился будущий муж Евфросинии, самый младший сын Ивана III и Софьи Палеолог, князь Андрей Иванович Старицкий.

Имя *Андрей*, известное по множеству источников, было у него не единственным – он обладал еще и именем *Евсигний*. Это имя непосредственно запечатлено во множестве коммеморативных источников (от синодиков до вкладных и кормовых книг), и именно под ним его предписывалось поминать, ср., например, показания в Кормовой книге костромского Богоявленского монастыря: «Декабря в 11 день понахида пѣти и обѣдня служити тремъ попомъ да дьякону по князе Андрѣе Старицкомъ, имя ему Евсегніе»¹².

По всей видимости, *Евсигний* было крестильным именем старицкого князя¹³. Весьма характерным образом на иконе, принадлежавшей семье сестры Евфросинии Старицкой, в качестве небесного покровителя и тезки Андрея Ивановича изображен не кто иной, как мученик Евсигний: «... да образ Евсегней да Владимир да Ефросинья на одну иконе»¹⁴. Иными словами, именно на празднование этому святому приходились именины старицкого князя.

Почему же, однако, последний из сыновей Ивана III сделался *Евсигнием*? Ответ на этот вопрос более или менее очевиден всякому, кто знаком с русской традицией светской христианской двуименности, – в день празднования мученику Евсигнию Антиохийскому княжич появился на свет, именины у него, как и у несметной череды двуименных лиц, совпадали с днем рождения. Празднование же, посвященное св. Евсигнию, в месяцеслове всего одно, и приходится оно на 5 августа. Известия, подтверждающие, что Андрей/Евсигний именно тогда и родился, сами по себе достаточно многочисленны¹⁵.

¹⁰ ПСРА. СПб., 1906. Т. 13. Ч. 2. С. 368.

¹¹ Там же; ПСРА. М.; Л., 1965. Т. 29. С. 322.

¹² Цит. по копии С. Б. Веселовского: Архив РАН. Ф. 620. Оп. 1. Д. 165. Л. 8 (Л. 47).

¹³ Подробнее о распределении крестильных и публичных имен в великокняжеской семье см. ниже.

¹⁴ АФЗХ. Ч. 2. № 207. С. 210. Ср. также упоминание в Описных книгах Старицкого Успенского монастыря иконы, на которой изображены «мученикъ Евстигней да преподобная Евфросинья», то есть патрональные святые самого князя и его жены (Описные книги Старицкого Успенского монастыря, 7115–1607 г. / Изд. журнала «Тверская старина». Старица, 1912. С. 14–15).

¹⁵ См.: ПСРА. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. С. 328; СПб., 1859. Т. 8. С. 219; СПб., 1901. Т. 12. С. 223; Пг., 1921. Т. 24. С. 207. Л. 288; Иоасафовская летопись / Подгот. к печати А. А. Зимин и С. А. Левина; под ред. А. А. Зимина. М., 1957. С. 128. Ср. также показания рукописных месяцесловов с летописными выписками конца XVI в., бывших в распоряжении Н. П. Лихачева: «Въ лѣто 6998 (1490): въ той же день (5 августа) родися князь А н д р е й , сынъ

Эта дата отмечалась семьей Старицких, как и было принято на Руси, не только при жизни Андрея Ивановича, но и после его кончины. Так, его сын, Владимир Андреевич Старицкий, почти три десятилетия спустя после смерти отца (и через три года после интересующих нас событий, связанных с постригом матери) дает жалованную грамоту московскому Симонову монастырю, где имеется следующее распоряжение: «А архимандриту Феоктисту з братьею, или хто по нем в том монастыре иные архимандриты будут, отца моего княж Ондреево имя Ивановича поминати, понахиды пети и обедни служити, и монастырь кормити двожды в году впервые декабря в первыйнадесять день (день кончины князя. – А. Л., Ф. У.), а в другие августа в пятый день, и сенаник во вседневной и в вечной написати»¹⁶.

5 августа (с прямым указанием имени *Евсигний* или без него) фигурирует в целом ряде коммеморативных памятников, фиксирующих поминовение удельного старицкого князя¹⁷. Иными словами, пострижение вдовствующей княгини Евфросинии в 1563 г. было непосредственно приурочено к именинам – и дню поминовения – ее давно скончавшегося мужа.

На этом можно было бы поставить точку, если не обращать внимание на конкретное имя, которое Евфросиния Старицкая получила в монашестве. Она становится *Евдокией*, что полностью соответствует модели подбора иноческого имени к крестильному – оба имени начинаются одинаково и графически, и фонетически. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что *Евфросиния* и *Евдокия* составляют своего рода устойчивую пару: *Евфросинии* в миру часто нарекаются *Евдокиями* в иночестве и наоборот¹⁸. Подобный выбор представлялся бы вполне рутинным для своего времени, но отнюдь не единственно возможным (княгиня могла бы стать, к примеру, *Евпраксией*, *Евфимией* или *Еленой*), однако, вновь обратившись к дате пострига Евфросинии Андреевны, мы увидим, что для такого выбора имелась особая мотивация – празднование преподобномученице Евдокии Персидской приходится на 4 августа, канун пострижения княгини старицкой.

великаго князя Ивана, и даша ему и м я Е в с е г н и й » (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Кол. 238 (Коллекция Н. П. Лихачева). Оп. 1. № 367 [Лихачев, с. 89]).

¹⁶ АФЗХ: Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.) / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. № 152. С. 186. Во Вкладной книге этого монастыря князь показан как *Андрей*, и поминальный корм по нему назначен на 5 августа и 11 декабря (день кончины) (Вкладная и Кормовая книга Московского Симонова монастыря. С. 83. Л. 83; С. 84. Л. 85).

¹⁷ Так, в первой редакции Вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря корм по Андрею Ивановичу предписывается давать на 5 августа, «на память святого мученика Евсигния» (Алексеев А. И. Первая редакция Вкладной книги Кириллова Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. № 3/4 (19/20). С. 28–29. Л. 12); то же число (но без добавления имени *Евсигний*) указывается и в Кормовой книге ярославского Спасского монастыря: «Августа въ 5 день, память князю Андрею Ивановичу Старицкому» (Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. Т. 3. С. 16). В так называемой Кормовой книге Троице-Сергиева монастыря XVI в. имеется ошибка в указании имени князя и его святого-тезки: «Лета 7076 (1568) месяца августа в 5-й день корм большой по князе Ондрее Ивановиче Старицком, а молитвенное ему имя Евгений, на память святого мученика Евгения» (Леонид (Кавелин), архим. Приложения к Историческому описанию Свято-Троицкия Сергиевы лавры // Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры, составленное по рукописным и печатным источникам в 1841 г. с приложениями архимандрита Леонида. М., 1879. (ЧОИДР. 1879. Кн. 2). С. 47) – на указанную дату, 5 августа, нет памяти святого с именем Евгений, причем ошибка эта допущена, вопреки утверждению Т. И. Шабловой [Кормовое поминовение, с. 341, примеч. 14], не публикатором источника, а составителем рукописи («..има Еѹу еѹгѹни... мѹка Еѹгѹниа») (ОР РГБ. Ф. 304/1 (Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры). № 821. Л. 66; ср. л. 9 об.). Сходная картина представлена во Вкладной книге московского Новодевичьего монастыря, где Андрея Старицкого ошибочно предписывается поминать на св. Евсевия (а не Евсигния): «5 (августа). Препразнество Преображению господню и святого мученика Евсевиа. Память князю Андрею Ивановичу оудельному» (Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря / Под ред. В. И. Корецкого; подгот. текста и вступ. ст. В. Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 207. Л. 391).

¹⁸ Можно еще раз вспомнить, например, княгиню Пожарскую (мать Дмитрия Пожарского), которая в крещении была *Евфросинией*, а в мантии стала *Евдокией*, или княгиню Евдокию Дмитриевну (супругу Дмитрия Донского), ее невестку, Евдокию Полуектовну (супругу Петра Дмитриевича), или Евдокию Федоровну Одоевскую (урожд. Шереметеву), постриженных в свое время с именем *Евфросиния*.

Здесь стоит принять во внимание, что канун как таковой – чрезвычайно важное понятие во всей практике русского календарного благочестия. Нередко он оказывается началом большого церковного празднования, приходящегося на следующий день, иногда, особенно при имянаречении, он как бы подтягивается к следующему дню, практически сливается с ним, хотя порой происходит и намеренное разделение самой даты и ее кануна. В нашем же случае, помимо всего прочего, существенно, что процедура монашеского пострига достаточно длительна и подготовка к ней – при отсутствии необходимости форсировать события – несомненно захватывает предыдущий день.

Иными словами, Евфросиния постригается «почти» на день своей новой патрональной святой, и в ее наречении в той или иной степени совмещены две модели подбора иноческого имени – по календарю и по сходству с именем крестильным. Вообще говоря, такой прием совмещения двух моделей, свидетельствующий о том, что более древняя из них (календарная) не утратила своего значения, в XVI–XVII вв. на Руси периодически практиковался¹⁹. С другой стороны, то обстоятельство, что постриг княгини состоялся не непосредственно на празднование св. Евдокии, а лишь на следующий день, демонстрирует, как кажется, что именинное поминовение покойного князя старицкого, мужа Евфросинии, было, так сказать, ведущим, более символически нагруженным из двух этих событий, удачным образом сближенных в календаре.

III

Язык имен и дат издревле связан не только с индивидуальным или семейным благочестием, он был способен обслуживать политические и идеологические нужды, не говоря уже о собственно династических сюжетах трансляции и легитимизации власти. Так, наречение новорожденного княжеского отпрыска еще в XI столетии было своеобразной декларацией тех властных полномочий, которые нарекающий рассчитывает закрепить за ним в будущем. Позднее Средневековье вырабатывает здесь свои, порой весьма изощренные, маневры. Если говорить об имени крестильном, то со временем самый механизм его выбора может стать средством выделения одного из великокняжеских наследников в череде братьев. Весьма показательно здесь, как в свое время крестили Владимира Андреевича Старицкого.

В предыдущем поколении великокняжеской семьи неожиданно сформировался довольно тонкий механизм десигнации, противопоставивший одного из сыновей всем прочим братьям. Василий III, старший сын Ивана от Софьи Палеолог, был двуименным, и при этом он первым в череде Рюриковичей московского дома получил публичное династическое имя *Василий* в крещении, а имени *Гавриил*, связанному с днем его появления на свет, была отведена скромная роль своеобразного «благочестивого придатка», маркирующего день рождения. Так в дальнейшем будут нарекать всех потомков Василия/Гавриила, отделяя тем самым московский правящий дом от всех прочих Рюриковичей, не говоря уже об их подданных. Иван Грозный, родившийся на апостола Тита, станет в крещении отнюдь не *Титом*, но *Иваном*, а его сыновья, Федор/Ермий и Дмитрий/Уар, будут крещены, в свою очередь, династическими именами *Федор* и *Дми-*

¹⁹ Так был пострижен, например, инок Кирилло-Белозерской обители, который в крещении был *Георгием*, а в монашестве сделался *Гурием*, и произошло это, согласно его собственноручной записи на старопечатном экземпляре «Маргарита» Иоанна Златоуста, 15 ноября 7103 (1595) г. «на память святых исповедников Гурия и Авива» [Вздорнов, Шаромазов, № 105, с. 57–58]. Любопытны также случаи особого почитания того святого, на память которого человек был пострижен, но при этом не стал его тезкой – подобной практики придерживался, например, архиепископ Рязанский и Муромский Иларион, который, согласно Кормовой книге Макарьевского Желтоводского монастыря, между 1659 и 1673 гг. воздвиг там церковь Михаила Архангела «сего ради, занеже онъ великий господинъ во 157 (1649) году ноября въ 8 день постриженъ въ сей обители въ монашество» [Пискарев, с. 13; Титов, с. 9]. Примечательно, что на канун Собора архистратига Михаила (8 ноября) приходится память мучеников Мелитинских (Иерона и дружины его), среди которых имеется Иларион. При этом крестильное имя архиепископа Илариона остается нам неизвестным.

трий²⁰. Напротив, все младшие сыновья Ивана III и Софьи, наделенные двумя христианскими именами, были крещены по старинке – их крестильными именами сделались те, что выпали им по дню рождения, а унаследованные от предков династические имена оставались лишь публичными. Именно так, как уже говорилось выше, был наречен и Андрей/Евсигний Старицкий.

При этом Андрей Иванович оказался единственным – кроме Василия III – отпрыском московского великокняжеского дома, у которого был собственный наследник, и, когда этот наследник родился, он получил два христианских имени, но распределены они были не по той общепринятой модели, в соответствии с которой был назван его отец, но по той, что нарекли его дядю-правителя и двоюродных братьев, сыновей великого князя. В крещении он получил династическое имя *Владимир*, а имя *Иакинф*, отсылавшее ко дню его появления на свет, осталось (так же, как имя *Тит* у Грозного или *Гавриил* у Василия III) лишь «благочестивым придатком». Таким образом, в самом имянаречении старицкого княжича была заложена идея если не равенства с двоюродными братьями, то по крайней мере своеобразного подобия династических возможностей.

Во времена детства Грозного небезопасными фигурами считались не только его дядя, но и кузен Владимир – во всяком случае, он, по воле Глинской, оказался вместе с матерью в заточении, будучи еще совсем маленьким ребенком. Позднее подросший Иван выпустит свою тетку и двоюродного брата на свободу, и это может считаться началом трагической фабулы его личных взаимоотношений с семейством Старицких. Не будет преувеличением сказать, что события лета 1563 г. оказываются одним из самых загадочных и неопределенных этапов в ее развитии.

Очевидно, что постриг для вдовствующей Евфросинии во многом был шагом вынужденным, но насколько велик был в этом принуждении со стороны царя элемент добровольности, насколько княгине-матери было позволено сохранить лицо и участие в собственной судьбе? С одной стороны, ей разрешили поселиться в ею же самой построенной обители, с другой – она оказалась тем самым в значительном удалении и от сына, и от столицы. Вокруг Евфросинии (Евдокии) царским повелением был сформирован некий двор, что как будто бы придавало почетности ее пребыванию в Горицком монастыре, но двор этот состоял из людей, ей чужих, а в функции его входил, со всей очевидностью, и надзор за царской теткой.

В столь амбивалентной ситуации каждая символическая деталь приобретает особое значение, так что поневоле возникает вопрос: был ли у интересующего нас высказывания на языке имен и дат какой-либо более сиюминутный политический смысл, кроме проявления сугубого семейного благочестия? Особую роль здесь приобретает «проблема авторства» – княгиню постригали не в спешке, но кто и как выбирал день для пострига? Делало ли это близкое ее семье духовенство, возможно, даже не без участия самой вдовы Андрея Старицкого, или дату назначал непосредственно царь? В сущности, от решения этого вопроса зависит и трактовка политической символики интересующей нас календарной даты.

Вообще говоря, Иван Грозный, как мало кто из его современников, владел пресловутым языком имен и чисел, более того, он даже испытывал к этому языку особое пристрастие²¹. Он не просто самолично вникал в конкретные детали, но и охотно использовал в своих построениях даты именин и дней рождений. Так, согласно летописям²² и свадебным разрядам²³, царь сам повелевал устроить свадьбу своего родного брата Юрия Васильевича с Иулианией Дмитри-

---

²⁰ Об этой перестройке династического имянаречения см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2019а; Литвина, Успенский, 2023].

²¹ Из последних работ об этом ср., например, исследование С. Ю. Шокарева [Шокарев].

²² ПСРА. СПб., 1904. Т. 13. Ч. 1. С. 154.

²³ Древняя российская вивлиофика... изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е, вновь испр. М., 1790. Ч. 13. С. 36.

евной Палецкой 3 ноября 7056 (1548) г. Как известно, Юрий получил свое крестильное имя по празднованию Обновления храма великомученика Георгия в Лиде²⁴, которое отмечается 3 ноября – таким образом, день его свадьбы волею царя соответствовал его именинам. В данной приуроченности, впрочем, как и в целой череде других, ей подобных, трудно отыскать что-либо, кроме очевидного благочестивого стремления отдать дань личному небесному покровителю новобрачного. Если бы Грозный всегда так действовал, останавливая свой выбор на именинах, то, в сущности, в политическом смысле безразлично, сам ли он выбирал 5 августа в 1563 г., или это сделала княгиня со своим духовным отцом Вассианом.

Однако в иных случаях Иван Грозный, манипулируя с именами и датами, мог проявлять своеобразный зловеющий сарказм, в целом ему весьма свойственный. Так, он давал вклады по Григории/Малюте Лукьяновиче Скуратове не только на празднование св. Григорию, просветителю Армении (30 сентября), в честь которого Малюта был крещен и на которого его обыкновенно и предписывалось поминать, но и на день другого св. Григория – чудотворца Печерского (25 мая)²⁵. Велика вероятность, что царь преднамеренно соположил житие этого новопрославленного святого с жизненным путем Малюты Скуратова²⁶.

С чем же мы имеем дело в интересующем нас случае? Немаловажно, какое место занимала фигура Андрея/Евсигния Ивановича в тех семейных нарративах, которые выстраивали для себя его жена и сын, с одной стороны, и Иван Грозный – с другой. Кто был в большей мере заинтересован в том, чтобы как-то специально выделить день именин давно покойного князя? Здесь нам поневоле приходится использовать свидетельства, относящиеся к разным хронологическим отрезкам, причем если Иван Грозный имел возможность высказываться напрямую, но при этом оставался верен своей склонности менять перспективу и точку зрения на минувшие события в зависимости от своих насущных целей и пристрастий, то заявления Старицких никогда не могли быть столь эксплицитны. Исследование позиций обеих сторон приводит к довольно неожиданным результатам.

В переписке с Курбским (много лет спустя после событий 1563 г.) царь Иван всячески акцентировал преимущество Владимира Андреевича по отношению к его отцу. Это было ему необходимо, дабы констатировать ничтожность кузена в династической иерархии, необоснованность каких-либо связанных с Владимиром династических чаяний. Монарх всячески подчеркивает, что тот всего лишь сын «четвертого удельного»²⁷, то есть не просто не является отпрыском великого князя, но наследует лишь четвертому, самому младшему среди четырех младших сыновей, ни один из которых никогда не сживал на московском столе.

Что же сами Старицкие? У нас есть возможность пронаблюдать, как запечатлелись их династические амбиции в тех благочестивых вкладышах, которые сохранились от их семьи, – то, чего нельзя было заявить напрямую, можно было выразить на языке даров, непосредственно сопряженном с занимающим нас языком имен и дат.

²⁴ ПСРА. Т. 8. С. 280–281; Т. 13. Ч. 1. С. 66; СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 414.

²⁵ Das Speisungsbuch von Volokolamsk. Кормовая книга Иосифо-Волоколамского монастыря: Eine Quelle zur Sozialgeschichte russischer Klöster im 16. Jahrhundert / Hrsg. von L. Steindorff unter Mitarbeit von R. Koke, E. Kondraškina, U. Lang und N. Pohlmann. Köln; Weimar; Wien, 1998. (Bausteine zur slavische Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen, Bd. 12). С. 37. А. 54 об.; С. 97. А. 71; С. 229. А. 106.

²⁶ Как известно, этот смиренный постриженник Феодосия Печерского, отправившись к Днепру за водой, неожиданно столкнулся с дружиной молодого князя Ростислава Всеволодича (брата Владимира Мономаха). Он призвал их к покаянию и предсказал скорую смерть в воде, за что сам был утоплен княжескими приспешниками. На следующий день князь вместе со своими войсками и впрямь утонул во время отступления после битвы с половцами, а на третий день тело святого со связанными руками и ногами и камнем на шее было чудесным образом обретоно в его же собственной келье (см. подробнее: [Литвина, Успенский, 2019б, с. 12–13]).

²⁷ РИБ. СПб., 1914. Т. 31. С. 121.

Итак, в первой половине 1560-х гг. Старицкие жертвуют несколько замечательных образчиков лицевого шитья в различные крупные монастыри. Один из них дан от имени Владимира Андреевича в Кирилло-Белозерский монастырь в 1565 г., в ту пору, когда его мать уже была монахиней расположенной поблизости Горицкой обители. Сразу же обращает на себя внимание надпись с этой пелены, где отдельно упомянут дед Владимира, Иван III, поименованный «великим князем», тогда как отец, Андрей Старицкий, никак специально не назван. Его имя присутствует лишь в составе отчества, что само по себе несколько странно – обыкновено, если во вкладной записи упоминаются какие-либо предки, то именно покойный родитель является в ней центральной фигурой: «Лета 7073 (1565) в царство благоверного царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси и преосвященном митрополите всея Руси зделан сей воздух в обитель пречистые Богородицы честного и славного ея Успения повелением благоверного князя Владимира Андреевича, внука великого князя Ивана Васильевича»²⁸.

К сожалению, сохранность надписей и идентификация святых, изображенных на кайме этой пелены, оставляют желать лучшего – помимо всего прочего, в XIX в. она подверглась значительной переделке, к тому же нет уверенности, что в ее программу входило изображение личных патрональных святых, поэтому у нас нет возможности сопоставить вербальный и невербальный текст источника²⁹. Однако тот памятник, где такая возможность имеется, дает результат, полностью соответствующий «показаниям» Кирилло-Белозерской пелены и еще более контрастирующий с обычной коммеморативной практикой.

В 1561 г., относительно незадолго до пострига Евфросинии, князя Старицкие, мать и сын, отдали вкладом в Троице-Сергиев монастырь шитую плащаницу. Текст на прикрепленной к ней полосе красной камки, гласит следующее: «Лѣта 7069-го благодатию святаго Духа, святаго и живоначальнаго Троицы и пречистыи его Богоматере и молитвою преподобнаго отца нашего Сергія, при благочестивомъ царѣ великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всея Русе и преосвященномъ митрополитѣ Макаріи, зделанъ бысть сій воздухъ въ домъ святаго живоначальнаго Троицы, повелѣніемъ благовѣрнаго государя князя Владимира Андрѣевича, внука великаго князя Ивана Васильевича, правнука великаго князя Василья Васильевича Темнаго, и благовѣрнаго его матери княжѣ Андреева Ивановича княгини Евфросиніи, данъ сій воздухъ на честь и на поклоненіе всѣмъ православнымъ христіаномъ и на воспоминаніе послѣднему роду въ вѣчный поминокъ по своихъ душахъ и во вѣки аминь»³⁰.

Обратим внимание: здесь снова специально поименованы с великокняжеским титулом дед и, что случается совсем редко, прадед вкладчика, Владимира Старицкого – Иван III и Василий Темный. При этом отец князя, Андрей Иванович, в качестве самостоятельной фигуры в этой надписи опять-таки не обозначен. Можно было бы допустить, что составителю текста попросту показалось достаточным присутствие имени Андрея в отчестве его сына и в именовании его вдовы по мужу. Однако если мы обратимся к изобразительному комплексу этого артефакта, мы убедимся, что отсутствие князя Андрея в тексте не случайно.

Центральным сюжетом здесь (как и на Кирилло-Белозерской плащанице 1565 г.) вполне традиционным образом является «Положение во гроб». По кайме же располагаются медальо-

²⁸ Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом // ЧОИДР. 1859. Кн. 3. Отд. 1. С. 97. Примеч. 128; [Маясова, 1960, с. 56, табл. 9].

²⁹ Подробные описания иконографии пелены см. в работах: Описание историко-археологическое древностей и редких вещей, находящихся в Кирилло-Белозерском монастыре, составленное архимандритом Варлаамом. С. 54; [Маясова, 1960, с. 56–57, табл. 9; Древнерусское шитье, № 67, с. 41–42; Плешанова, Лихачева, № 98, с. 208].

³⁰ *Невострев К.* Плащаница, приложенная в Иосифов Волоколамский монастырь удельным князем Владимиром Андреевичем и матерью его Евфросинею в 1558 году (Археологическое описание в сличении с другими древними плащаницами). [Б. м.], 1866. С. 11. Примеч. 1; ср. также: [Маясова, 1960, с. 51–52, табл. 3; Маясова, 1971, ил. 44–46].

ны, где рядом с универсальными образами Святой Троицы, Богоматери Знамение, пророков и четырех евангелистов появляются также в полном согласии с обычаем изображения святых, тезоименитых предкам дарителей, – это не кто иные, как Иоанн Златоуст, небесный покровитель Ивана III, и Василий Великий, тезка Василия Темного [Маясова, 1960, с. 51–52]³¹. Никакого изображения св. Андрея или св. Евсигния мы здесь не находим, что, разумеется, идет вразрез с коммеморативной традицией.

Иными словами, Владимир Андреевич своими вкладами стремится заявить о себе как о внуке одного великого князя и правнуке другого, тогда как Иван Грозный пытается представить его лишь как сына Андрея, самого младшего в череде удельных князей. Здесь мы сталкиваемся с великолепным образчиком идеологической риторики, когда обе стороны, в сущности, не отступают от правды, в нужный момент умалчивая о той ее части, которая им невыгодна. Иван Грозный до поры до времени не может не считаться с династической ролью своего кузена, но, по всей видимости, предпочел бы о ней забыть. В пространстве символического языка старицкое семейство, как мы видим, ставит перед собой еще более трудную задачу: Владимир как будто бы предпринимает попытку затушевать фигуру собственного отца, который обладал не слишком значительным статусом и умер в заточении, и остаться лишь великокняжеским наследником. Жест этот выглядит рискованным и амбициозным (хотя ничего напрямую крамольного в нем не было); нельзя исключать даже, что именно такого рода поступки складывались в общую картину «неправд» и «неисправлений», послужившую поводом для доноса на Старицких³².

При этом весьма существенно, что именно княгиня Евфросиния с самого начала воспринималась как вдохновитель и катализатор династических притязаний своего сына. Достаточно вспомнить, например, появляющийся в двух крестоцеловальных записях Владимира Андреевича 1554 г. знаменитый пассаж, где подтверждается верность последнего царю Ивану Васильевичу и его только что родившемуся сыну, царевичу Ивану Ивановичу: «А по грехомъ, мать моя княгини Ефросеня учнетъ мя наводити на которое лихо сына твоего царевича Ивана, или на мать его лихо учнетъ мя наводити: и мнѣ матери своей княгини Ефросиньи въ томъ ни въ чемъ не слушати, а сказати ми тѣе речи сыну твоему царевичю Ивану, и его матери въ правду без хи-

³¹ Строго говоря, мы не знаем наверняка, в честь кого из свв. Василиев был в свое время наречен прадед Владимира Старицкого и Ивана Грозного, Василий Темный, тем более что источники указывают разные даты его появления на свет, а никаких бесспорных свидетельств, говорящих в пользу одного из предполагаемых личных патронов, будь то Василий Великий, Василий Парийский или Василий Анкирский, в нашем распоряжении нет (изложение различных точек зрения на этот предмет см. в работе: [Литвина, Успенский, 2006, с. 483–484]). Об обстоятельстве его имянаречения существовала особая легенда (ПСРА. Т. 6. Вып. 2. С. 40; Т. 8. С. 87; СПб., 1913. Т. 21. Ч. 2. С. 457–458), по-видимому, довольно долго бытовавшая при дворе, однако и она не сообщает ничего определенного относительно личного небесного патрона князя. В любом случае, появление Василия Великого на пелене Старицких было уместно, поскольку Василий Великий считался покровителем многих святых с этим именем, а соответственно, и всех тех, кто был наречен в их честь. Иначе говоря, он, подобно еще некоторым древним святым, обладал своеобразным «зонтичным патронатом» по отношению ко всем своим земным тезкам.

³² Для контраста здесь можно вспомнить, например, изготовленный куда позднее покров на мощи епископа Иоанна разведенной (!) и постриженной в монахини первой жены Владимира Андреевича Старицкого, которая в результате трагической гибели всего княжеского семейства остается вдовствующей княгиней. Судя по надписи на покрове, Евдокия (в иночестве Евпраксия) смиренно принимает столь любезную сердцу Грозного идею «удельности» старицкого князя (возможно, даже несколько гордясь этими осколками дозволенного величия) и стремится соответствовать общепринятой коммеморативной практике, заботясь о поминовении души своего мужа, хотя, строго говоря, еще при его жизни этот брак был прекращен: «Лета 7086 (1576) июля в 28 днь на память стых апстаъ Прохора и Никанора, моляс прстеи Бдцы и великому чудотворцу Иванну, положила сей покров на гроб великаго чудотворца епскапа Ивана кнже Володимерова кнгин Андреевича инока Евпраксея уделная на воспоминание вечных блгъ от своего блгочстия и кому Бгъ блговоли в Суждале епскупомъ бых и он бы пожаловал за тот вклад поминал дшю кнзя Володимера Андреевича и мою...» [Маясова, 1960, с. 62; Русское прикладное искусство, № 39, с. 154]. В надписи на другом сохранившемся вкладе – серебряном блюде с гравировкой – интересующая нас супруга Старицкого поименована как «бл(а)говернаго кн(я)зя Владимира Андреевича кн(я)гин(я) старица Еоупраксея» [Русское прикладное искусство, № 53, с. 168].

тлости. А хотя мя мать моя и не учнетъ наводити на лихо, а взвѣдаю, что мать моя сама захочетъ которое лихо учинити, или умышляти учнетъ которое лихо надъ сыномъ твоимъ царевичемъ Иваномъ, и надъ его матерью, или надъ бояры и дѣяки, которые въ твоей государя нашего душевной грамоте писаны: и мнѣ то лихо матери своей сказати сыну твоему царевичу Ивану и матери его въ правду безъ хитрости, а не утаити ми того никакъ некоторыми дѣлы, по сему хрестному целованью»³³.

Помимо всего прочего, лицевое шитье, в котором нашли свое воплощение смелые реплики, акцентирующие преємственность Владимира по отношению к деду и прадеду, было искусством женской половины знатного дома, так что весьма вероятно, что идея подобного оформления монастырских вкладов принадлежала непосредственно княгине Евфросинии.

В такой перспективе мы склонны предположить, что выбор даты для ее пострижения скорее принадлежал Ивану Грозному. Условно говоря, княгиня желала бы явить себя матерью великокняжеского внука и правнука, развивая ту парадигму, которая была заложена при выборе крестильного имени для Владимира/Иакинфа; ее же, четверть века прожившую в миру при сыне, не просто изолируют от светской жизни, но как бы возвращают в статус вдовы удельного князя, предполагающий монашеский постриг, а календарь кладет последний штрих в этой процедуре. «Напомнить» оппоненту о затеняемой им части генеалогического контекста – весьма естественный и безошибочный ход в подобного рода диалоге. Силы сторон далеко не равны, однако царь (если и в самом деле дату выбирает он) учел и соблюл все мыслимые параметры благочестия, тем самым уберегая себя от упреков в духовном нерадении о своей династической родне и одновременно ставя ее на место.

Литература

- Беляев Л. А. О датах смерти Е. Ф. Пожарской и В. П. Пожарского: эпитафические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162–165.
- Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М., 2013. 260, [3] с.
- Вздорнов Г. И., Шаромазов М. Н. Старопечатные кириллические книги в музее фресок Дионисия, 1538–1918. Каталог-путеводитель. М., 2003. 270, [1] с.
- Древнерусское шитье XV – начала XVIII века в собрании Государственного Русского музея. Каталог выставки / Сост. Л. Д. Лихачева. Л., 1980. 135, [1] с.
- Кормовое поминовение в Успенском Кирилло-Белозерском монастыре в XVI–XVII веках. Публикация: Синодичное предисловие; Книга кормовая; Синодик кормовой / Подгот. текстов и исследование Т. И. Шабловой. СПб., 2012. 402, [1] с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 740 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // Die Welt der Slaven. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. S. 108–127. [Литвина, Успенский, 2019a]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Особенности почитания соименных святых на Руси XVI–XVII вв. // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 3. С. 9–29. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.028 [Литвина, Успенский, 2019б]
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Другой Дмитрий Угличский. Рождение и посмертная судьба удельного князя Дмитрия Ивановича Жилки в ономастической перспективе // Российская генеалогия: научный альманах. М., 2023. Вып. 13. С. 95–108.
- Лихачев Н. П. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. Л., 1928. Вып. 1. (Труды музея палеографии. Т. 1). [5], 175 с.

---

³³ СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 464, 467.

- Маясова Н. А. Мастерская художественного шитья князей Старицких // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 41–64.
- Маясова Н. А. Древнерусское шитье. М., 1971. 34, [6] с., 56 л. ил.
- Панченко О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троцкий келарь Александр Булатников // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 55. С. 488–507.
- Пискарев П. Описание Троицкого Макарьево-Желтоводского второклассного мужского монастыря. Нижний Новгород, 1846. 53 с.
- Плешанова И. И., Лихачева Л. Д. Древнерусское декоративно-прикладное искусство в собрании Государственного Русского музея. Л., 1985. 224 с.
- Русское прикладное искусство XIII – начала XX в. из собрания Государственного объединенного Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Авт.-сост. Н. Трофимова; предисл. Т. В. Николаевой. М., 1982. 279 с.
- Титов А. А. Троицкий Желтоводский монастырь у старого Макарья (1435–1887). М., 1887. [2], V, 42 с.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. СПб., 2017. 340 с.
- Шокарев С. Ю. Царственный богомolec на покаянии в Троице-Сергиевом монастыре // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сергиев-Посад, 2022. Вып. 13. Сообщения 2020. С. 42–48.

References

- Belyaev, L. A. O datakh smerti E. F. Pozharskoi i V. P. Pozharskogo: epigraficheskie zametki [About the Dates of Death of E. F. Pozharskaya and V. P. Pozharsky: Epigraphic Notes]. In *Rossiiskaya arkheologiya*. 2009. No. 1. Pp. 162–165.
- Belyaev, L. A. Rodovaya usypal'nitsa knyazei Pozharskikh i Khovanskikh v Spaso-Evfimievom monastyre Suzdalya: 150 let izucheniya [Ancestral Tomb of the Princes Pozharsky and Khovansky in the Spaso-Evfimiev Monastery of Suzdal: 150 Years of Study]. Moscow, 2013. 260, [3] p.
- Drevnerusskoe shit'e XV – nachala XVIII veka v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya. Katalog vystavki [Old Russian Embroidery of the 15th – Early 18th Century in the Collection of the State Russian Museum. Exhibition Catalog]. Compiled by L. D. Likhacheva. Leningrad, 1980. 135, [1] p.
- Kormovoe pominovenie v Uspenskom Kirillo-Belozerskom monastyre v XVI–XVII vekakh. Publikatsiya: Sinodichnoe predislovie; Kniga kormovaya; Sinodik kormovoi [Kormovoe Commemoration in the Assumption Kirillo-Belozersky Monastery in the 16th – 17th Centuries. Publication: Synodic Preface; Kormovaya Book; Kormovoi Synodic]. Text preparation and research by T. I. Shablova. Saint Petersburg, 2012. 402, [1] p.
- Likhachev, N. P. Materialy dlya istorii vizantiiskoi i russkoi sfragistiki [Materials for the History of Byzantine and Russian Sphragistics]. Leningrad, 1928. Issue 1. (Trudy muzeya paleografii. Vol. 1). [5], 175 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybora imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The Choice of the Name of the Russian Princes in the 10th – 16th Centuries. Dynastic History through the Lens of Anthroponymy]. Moscow, 2006. 740 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Khristianskaya dvuimennost' v pravyyashchei dinastii na Rusi: Etapy evolyutsii [Christian Binominality in the Ruling Dynasty in Russia: Stages of Evolution]. In *Die Welt der Slaven*. 2019. Jhrg. 64. Heft 1. S. 108–127. [Litvina, Uspenskii, 2019a]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Osobennosti pochitaniya soimennykh svyatykh na Rusi XVI–XVII vv. [Veneration of Baptismal Saints in Russia in the 16th – 17th Centuries]. In *Voprosy onomastiki*. 2019. Vol. 16. No. 3. Pp. 9–29. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.028 [Litvina, Uspenskii, 2019b]
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Drugoi Dmitrii Uglichskii. Rozhdenie i posmertnaya sud'ba udel'nogo knyazya Dmitriya Ivanovicha Zhilki v onomasticheskoi perspektive [Another Dmitry Uglichsky. The Birth and Posthumous Fate of the Appanage Prince Dmitry Ivanovich Zhilka in Onomastic Perspective]. In *Rossiiskaya genealogiya: nauchnyi al'manakh*. Moscow, 2023. Issue 13. Pp. 95–108.
- Mayasova, N. A. Masterskaya khudozhestvennogo shit'ya knyazei Staritskikh [Workshop of Art Embroidery of Princes Staritsky]. In *Soobshcheniya Zagorskogo gosudarstvennogo istoriko-khudozhestvennogo muzeya-zapovednika*. Zagorsk, 1960. Issue 3. Pp. 41–64.
- Mayasova, N. A. Drevnerusskoe shit'e [Old Russian Embroidery]. Moscow, 1971. 34, [6] p., 56 l. of il.
- Panchenko, O. V. Iz istorii kul'turnykh svyazei Solovetskogo i Troitse-Sergieva monastyrei v pervoi polovine XVII v.: troitskii kelar' Aleksandr Bulatnikov [From the History of Cultural Relations of the Solovetsky and

- Trinity-Sergius Monasteries in the First Half of the 17th Century: Trinity Cellarer Alexander Bulatnikov]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Saint Petersburg, 2004. Vol. 55. Pp. 488–507.
- Piskarev, P. Opisanie Troitskogo Makar'ev-Zheltovodskogo vtoroklassnogo muzhskogo monastyrya [Description of the Trinity Makarievo-Zheltovodsk Second-class Monastery]. Nizhnii Novgorod, 1846. 53 p.
- Pleshanova, I. I., Likhacheva, L. D. Drevnerusskoe dekorativno-prikladnoe iskusstvo v sobranii Gosudarstvennogo Russkogo muzeya [Old Russian Decorative and Applied Art in the Collection of the State Russian Museum]. Leningrad, 1985. 224 p.
- Russkoe prikladnoe iskusstvo XIII – nachala XX v. iz sobraniya Gosudarstvennogo ob"edinennogo Vladimiro-Suzdal'skogo muzeya-zapovednika [Russian Applied Art of the 13th – Early 20th Century from the Collection of the State United Vladimir-Suzdal Museum-Reserve]. Compiled by N. Trofimova; preface by T. V. Nikolaeva. Moscow, 1982. 279 p.
- Shokarev, S. Yu. Tsarstvennyi bogomolets na pokayanii v Troitse-Sergievom monastyre [The Royal Pilgrim at Repentance in the Trinity-Sergius Monastery]. In *Sergievo-Posadskii muzei-zapovednik*. Sergiev-Posad, 2022. Vyp. 13. Soobshcheniya 2020. Pp. 42–48.
- Titov, A. A. Troitskii Zheltovodskii monastyr' u starogo Makar'ya (1435–1887) [Troitsky Zheltovodsky Monastery near the Old Makary (1435–1887)]. Moscow, 1887. [2], V, 42 p.
- Uspenskii, B. A., Uspenskii, F. B. Inocheskie imena na Rusi [Monastic Names in Russia]. Saint Petersburg, 2017. 340 p.
- Vzdornov, G. I., Sharomazov, M. N. Staropechatnye kirillicheskie knigi v muzee fresok Dionisiya, 1538–1918. Katalog-putevoditel' [Old Printed Cyrillic Books in the Museum of Frescoes by Dionysius, 1538–1918. Catalog-guide]. Moscow, 2003. 270, [1] p.

Anna F. Litvina

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Fjodor B. Uspenskij

Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences,

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

LANGUAGE OF NAMES AND DATES.
MONASTIC VOWS OF EUPHROSINIA OF STARITSA

The paper discusses one of the pivotal moments in the history of the ruling House of Muscovy and the whole waning dynasty of Ryurikids – that is, the date when Princess Euphrosinia of Staritsa, mother of Vladimir of Staritsa (a grandson of Ivan III), took the veil. The symbolic meaning of the choice of the date for her monastic vows is regarded in a broad context of a peculiar language of names and dates whose popularity peaked by the days of Ivan the Terrible. This choice played a special role not only in the family history of princes of Staritsa, but also in both verbal and non-verbal dialogue they maintained with the monarchic sovereign of Muscovy for decades. The question why it was namely the 5th of August in summer of 1563 when the Princess's worldly life ended, is related to the existence of an elaborate political plan that did not lose its relevance even after most of the family of the Czar's cousin had perished in 1569.

Keywords: Ivan the Terrible, princes of Staritsa, the dynastic strategy of Ryurikids, Christian binominality, birthday, a baptismal name, a monastic name, 16th century embroidery